

МИЯ КРОФТ

ТРАВМЫ, КОТОРЫЕ МЫ НОСИМ

ЭЛЕКТРОШОКОВАЯ СОКРАТИХА
И ЦЕПНОЙ ПЁС

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ
НЕ ПРИХОДЯТ,
ЧТОБЫ ТЕБЯ СПАСИ.

18+

Мия Крофт

Травмы, которые мы носим

<https://litres.ru/74373908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Йен Старквелл привык, что люди держатся от него подальше. В университете его знают как парня с дурной репутацией, взрывным характером и слишком длинным списком причин с ним не связываться.

А потом появляется Джуна Вэллс.

Она не боится его. Не пытается поставить на место. Не читает нотаций. Даже тогда, когда Йен намеренно проверяет, сколько ей понадобится, чтобы наконец потерять терпение.

Не теряет.

И это начинает раздражать его сильнее всего.

Йен решает разгадать Джуно — просто потому, что не выносит загадок без ответа.

Но чем дольше он наблюдает за ней, тем яснее понимает: за её спокойствием тоже что-то спрятано.

И однажды Джуна начинает видеть то, что Йен годами прятал от всех.

Проблема в том, что некоторые люди становятся опасными не тогда, когда узнают твои слабости.

А тогда, когда не отворачиваются, узнав.

Мия Крофт

Травмы, которые мы носим

Глава 1

ГЛАВА 1

Пока телефон молчит

«Мне не было всё равно. Я просто слишком хорошо умел делать вид, что было.»

Кровь на костяшках — это автограф. Хочешь?

— Ты ему нос сломал.

Итан произносит это так, будто слова царапают горло. Глаза расширены, нижняя губа слегка дрожит, а пальцы вцепились в край толстовки так сильно, что ткань пошла мелкими складками.

Я смотрю на него через плечо.

— Правда? — спрашиваю. Голос выходит ровным и чуть глухим.

Я опускаю взгляд на правую руку. Костяшки вспухли, кожа лопнула в двух местах, под ней уже наливается тёмно-багровое. Боль идёт волнами. Руки снова сделали всё сами. Я даже не успел подумать, прежде чем Тони Уолкер оказался на полу.

Он лежит на кафеле. Нос уже синий, под ним медленно расплзается тёмная лужа. Он шипит сквозь зубы, морщится и всё-таки поднимается на локте. Дыхание рваное, свистящее.

— Чёрт...

Я разворачиваюсь к нему медленно, всем телом. Даю ему время понять: я никуда не уйду.

— Живой?

Тони поднимает глаза.

— Пошёл ты, — выдавливает он хрипло.

Я улыбаюсь одним уголком рта. Мне нравится, когда после такого человек всё ещё пытается казаться крутым. Это почти мило. И очень удобно.

— Уже лучше.

Он снова пытается встать. Ладонь срывается, и он с коротким, приглушённым криком падает на бок. Удар о кафель глухой, тяжёлый. Итан дёргается всем телом — плечи взлетают, глаза на секунду замуливаются.

— Йен... — голос у него срывается. — Может, уже хватит?

Я перевожу взгляд на него. Итан смотрит прямо, но зрачки огромные. Он боится не Тони. Он боится того, что я могу сделать дальше.

— Мы закончили, — говорит он.

— Я закончил, — поправляю спокойно. — Он — нет.

Тони кое-как садится, опираясь спиной о шкафчик. Грудь

ходит ходуном. Глаза мутные, но в них ещё теплится злость. Он всё ещё думает, что может что-то контролировать. Глупо.

Я приседаю перед ним на корточки. Движение намеренно медленное. Тони весь каменеет — мышцы на шее вздуваются, пальцы сжимаются в кулаки до треска суставов.

— Ты вообще понимаешь, что натворил? — выдавливают он.

Я молчу несколько долгих секунд. Просто смотрю. Без улыбки. Без выражения. Пусть чувствует вес взгляда.

— Лучше тебя.

— Моя мать...

— Знаю.

— Она в попечительском совете.

— И это тоже знаю.

Я склоняю голову чуть набок.

— Тони. Ты меня сейчас пугать пытаешься... или просто несёшь чушь, чтобы не отключиться прямо здесь, на полу?

Он стискивает зубы. Глаза темнеют.

Сбоку слышится короткий, нервный выдох. Я поворачиваю голову к Итану.

— Тебе смешно?

— Нет, — отвечает он слишком быстро.

— Врёшь.

Он прикрывает рот ладонью, но уголки губ всё равно дёргаются. Тони смотрит на нас обоих так, будто видит двух животных, которые вот-вот набросятся.

— Вы ненормальные, — цедит он.

— Хоть кто-то наконец сказал это вслух.

Я поднимаюсь. Колени слегка похрустывают.

В раздевалке пахнет потом, старым металлом, кровью и страхом. Я чувствую его почти физически. Именно этого я и добивался. Не просто ударить. А чтобы Тони запомнил. Чтобы в следующий раз, когда ему захочется открыть рот или полезть к кому-то, перед глазами вставала вот эта картина.

Тони снова открывает рот.

— Думаете, вам всё сойдёт с рук?

Я достаю телефон. Медленно. Не глядя на него.

— Нет.

Он хмурится, не понимая.

— Что?

— Мне — сойдёт.

Экран показывает 18:27.

Я убираю телефон в карман и снова смотрю на Тони. Говорю тихо, почти ласково, наклоняясь чуть ближе:

— Если ещё раз услышу, что ты лезешь к Итану... я не остановлюсь на носе. Ясно тебе?

Он молчит. Только дышит тяжело и смотрит снизу вверх. В его глазах уже нет прежней бравады. Есть понимание, что прямо сейчас он ничего не может сделать. Абсолютно ничего. Этого достаточно.

— Пошли, Тан, — говорю я, не оборачиваясь.

Итан медлит. Смотрит на Тони, потом на меня.

— А он? — тихо спрашивает. — Может, отправить в медпункт?

Тони снова пытается подняться. На этот раз получается. Он встаёт, цепляясь за край шкафчика, делает один неуверенный шаг — и тут же шатается, теряя равновесие.

Я автоматически выставляю руку. Не чтобы помочь. Чтобы он не рухнул прямо на меня.

— Сам доберётся, — говорю я и слегка отталкиваю его обратно к металлу.

— Я уничтожу тебя. — процедил Тони, смотря на меня так, будто хочет вгрызться в горло.

— Буду ждать. — отвечаю, ухмыляясь.

Хватаю куртку и сумку. Выхожу в коридор. Итан догоняет через несколько секунд. Идёт быстро, почти бежит. Глаза лихорадочно блестят.

— Ты вообще понимаешь, что только что сделал? — голос дрожит от волнения.

— Да.

— Нет. Ты снова...

— Итан.

Я останавливаюсь резко. Он чуть не врезается мне в спину.

— Что?

— Нотации сейчас читать будешь? Прямо здесь, в коридоре?

Он сглатывает. Проводит ладонью по волосам, оставляя

их торчат во все стороны. На лице борьба — между желанием наорать и пониманием, что это бесполезно.

— У тебя проблемы. Настоящие. И ты делаешь вид, будто тебе всё равно.

— Так и есть.

— Херня. Ты специально его добил. Неужели нельзя решить проблему переговорами, не знаю?

Я молчу. Переговоры? Трогательно. Был бы Тони чуть рассудительнее, чтобы принять и понять то, что ему говорят чуть раньше, мы бы до такого не дошли.

— Тебе бывает страшно? — спрашивает он уже тише.

— Бывает.

— Когда?

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Когда в голове становится слишком тихо и я начинаю слышать, о чём на самом деле думаю.

Он кивает. Как будто принял это к сведению и больше спрашивать не будет. Отлично. Ещё немного этой душевной близости — и меня начнёт тошнить. Я ничего не говорю и снова иду дальше.

Руки начинают дрожать сильнее. Адреналин уходит, и тело напоминает, что оно из мяса и костей. Пальцы покалывает. В разбитых костяшках пульсирует тупая боль. Хочется сжать кулак до хруста. Просто чтобы убедиться, что руки всё ещё слушаются. Что я всё ещё могу ими управлять.

Сжимаю.

Больно.

Нормально.

У выхода Итан хватает меня за рукав. Пальцы горячие и слегка дрожат.

— Стой.

— Что?

Он смотрит на мою руку. На полу уже несколько тёмных капель. Они выглядят почти чёрными под лампами.

— Кровь.

— И что?

— У тебя «и что» обычно заканчивается тем, что кто-то лежит и не дышит.

— А у тебя любой синяк — конец света.

— Потому что я ещё думаю головой. В отличие от некоторых.

— Завидно.

Высвобождаю рукав. Он всё равно идёт следом. Молча. Но я чувствую его взгляд лопатками — тяжёлый, тревожный, злой.

На парковке мой Mercedes стоит один. Тёмный, блестящий.

Итан останавливается у пассажирской двери. Смотрит всё так же осуждающе.

— Ты реально сядешь за руль?

— Ну да.

— Руки чувствуешь хоть?

— Хочешь сам?

Он молчит секунду, будто обдумывая. Потом резко протягивает ладонь. Видимо, решил.

— Давай.

— Смерти ищешь?

— Нет. Именно поэтому и забираю.

Выхватывает их раньше, чем я успеваю среагировать. Я на секунду замираю. Вот это уже серьёзно.

— Садись. И рот закрой. Я не в настроении слушать твои отмазки.

Я перевожу взгляд то на свою руку, то на Итана. Пожимаю плечами, обхожу машину и сажусь. Сиденье холодное и жёсткое. Итан захлопывает дверь с силой и заводит мотор. Челюсть сжата, брови сведены.

Он может меня ненавидеть. Может трястись от злости. Может думать, что я полный псих. Но ключи забирает. Орёт. А потом всё равно будет бинтовать. Я не понимаю, зачем. И разбираться не хочу. Пока он это делает — мне проще дышать.

Телефон вибрирует. Неизвестный номер. Сбрасываю. Через несколько секунд — другой.

Итан косится на экран. Брови ещё сильнее сходятся.

— Возьми уже. Меня нервирует этот звук.

— Нет.

— Йен.

— Нет.

Третий звонок. Я медленно выдыхаю и всё-таки отвечаю. Голос делаю нарочито спокойным.

— Да?

— Мистер Старквелл? Это секретарь директора Картера.

— Приятно познакомиться.

Да, очень приятно. Каждый второй день видимся. Итан беззвучно фыркает, но глаза остаются серьёзными.

— Директор просит вас немедленно подняться к нему.

— Сегодня?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Скажите, что буду завтра.

— Это срочно.

— Тогда тем более завтра.

Сбрасываю. Кладу телефон экраном вниз.

— Отчислят. — утверждает Итан, глядя на дорогу.

— Нет.

— Почему ты так уверен?

— Отец спонсирует половину этого цирка. Вторую половину, кстати, тоже он.

Итан коротко, нервно усмехается.

— Ненавижу таких, как вы.

— Ты говорил, я исключение.

— Ошибался. Ты хуже.

Он паркуется у автомойки и глушит мотор. В машине ста-

новится очень тихо. Только дыхание.

— Руку, — говорит он резко.

— Зачем?

— Дай сюда. Смотреть уже тошно.

Достаёт аптечку из бардачка. Я смотрю на неё пару секунд. Когда он успел её туда положить? Впрочем, какая разница. Протягиваю руку. Он берёт аккуратно, но пальцы жёсткие. Переворачивает ладонь. Долго смотрит на разбитые костяшки.

— Не дёргайся.

— Не дёргаюсь.

— Челюсть расслабь. Слышу, как зубы скрипят.

— Какой ты вредный.

Открывает антисептик. Резкий запах бьёт в нос. Работает быстро, сосредоточенно. Брови сведены, рот плотно закрыт. Совсем другой человек — не тот, что тряся в раздевалке. Сейчас он собран и зол. И это странным образом успокаивает.

— Не надо было за меня вписываться, — говорит вдруг, не поднимая глаз.

— Надо.

— Почему?

Я молчу.

Потому что бесили.

Потому что лезли.

Потому что я устал смотреть, как кто-то пытается тебя за-

деть и думает, что я просто стерплю.

Потому что иногда мне нужно, чтобы кто-то понял: моих людей лучше не трогать.

Поэтому пожимаю плечами.

— Они меня бесили.

Итан поднимает глаза, изучает моё выражение лица, вздыхает и снова принимается за бинт.

— Понятно.

Бинтует дальше. Потом тихо:

— Врёшь ты отвратительно. Знаешь?

— А ты слишком много замечаешь.

— Кто-то должен. Как видишь, устроился на полноценную работу.

— Платят?

— Нет.

— Тогда свали.

— Не могу.

— Почему?

Завязывает узел. Смотрит прямо, без улыбки.

— Потому что один ты ещё хуже. И страшнее.

Я молчу пару секунд. Хочется сказать что-то резкое. Или наоборот — слишком мягкое. Но язык не поворачивается.

— Я забыл твою фамилию.

Он моргает. Брови поднимаются.

— Серьёзно?

— Да.

— Мы четыре года знакомы, Йен.

— Именно поэтому и спрашиваю.

— Можно было запомнить. Ко мне каждый второй обращается по фамилии.

— Ты же знаешь, я пропускаю мимо ушей все слова чужие мне людей.

Он качает головой, но уголки рта всё-таки поднимаются. Глаза чуть теплеют.

— Фальк.

— Итан Фальк.

— Ага.

— Странная.

— Шведская.

— А ты?

— А я местная проблема с синими волосами. И, видимо, с тобой навечно.

Я смеюсь. Впервые за весь день. Итан улыбается, оглядывая своё творение.

Он заводит машину и говорит:

— Поехали жрать.

— Наконец-то.

Едем. Итан держит руль слишком крепко.

— Господи, ты водишь как старая бабка.

— А ты как самоубийца.

— Быстрее не можешь?

— Могу. Но не хочу. Хочу дожить хотя бы до двадцати

пяти.

— Скучно же ты живёшь.

— Зато живой.

Закрываю глаза. Думать ни о чём не хочется. Просто сидеть. Слушать шум колёс по мокрому асфальту. Чувствовать, как бинт слегка давит на руку.

— А если там будут те? — вдруг спрашивает Итан, нахмурившись.

— Какие?

— С татуировками. Те, что в прошлый раз к нам лезли.

— Пофиг.

— Меня запомнили, Йен.

— Твоя вина. Кто в своём уме подходит к чужому мужику и говорит, что у него тату кривое?

— Оно и было кривое! И вообще, я стал таким отбитым после дружбы с тобой.

— Или ты был отбитым изначально, поэтому начал со мной дружить. Но умнее тебя это не делает.

Он фыркает, но напряжение в плечах чуть спадает.

— Если что — ты мой адвокат.

— Я-то?

— Хотя... ты больше похож на того, от кого адвокаты сами сваливают.

— Такое сравнение мне больше нравится.

Мы останавливаемся у «У Боба». Вывеска мигает неровно.

— Надёжно выглядит, — говорит Итан с кривой усмешкой.

— Серьёзно? — я бросаю на него взгляд, чуть подняв одну бровь.

— Нет.

Мы переглянулись, но зашли. Почти пусто. Я выбираю стол у стены, ближе к выходу. Спиной к стене. Привычка. Итан садится напротив, но взгляд всё время бежит к двери.

— Я закажу себе двойной чизбургер с курицей.

— Такой же. — киваю я ему, оглядываю меню.

— Без лука?

— Да.

— Скучный ты до ужаса. — он пародирует меня с довольным выражением лица.

Я закатываю глаза и бью его ногой под столом. Не сильно. Он шипит и смотрит исподлобья, но уголки рта дёргаются.

Дверь открывается. Итан весь напрягается.

Двое мужчин. Один сразу нас видит и растягивает рот в широкой, холодной улыбке.

— О. Парень с замечаниями.

Итан медленно кладёт меню. Плечи каменные. Я вижу, как он сглатывает.

— Спокойно.

— Узнали. Только ещё одной потасовки мне сегодня не хватало. Моя психика не выдержит.

— Вижу.

— И что теперь?

— Ничего.

Беру стакан. Холодный пластик приятно жжёт пальцы. Поднимаю глаза и просто смотрю на мужика. Долго. Прямо. Без выражения.

Он держится несколько секунд. Потом первым отводит взгляд и что-то бормочет спутнику. Садятся в углу. Я медленно ставлю стакан.

Итан смотрит на меня. В глазах смесь полного непонимания.

— Что это было?

— Ничего.

— Вот именно. Ты ничего не сделал.

— Ага.

— Иногда от твоего молчания хуже, чем от ударов. Знаешь об этом?

Нам приносят еду. Итан переводит всё своё внимание на бургер.

— И как тебе? — спрашивает с набитым ртом.

— Нормально.

— Нормально?! Йен, это же огонь, честное слово!

— Ты каждый раз так орёшь.

— Потому что каждый раз правда.

Коротко смеёмся. На несколько минут становится чуть легче. Можно даже забыть про кровь и звонки.

Потом телефон снова вибрирует.

Тот же номер. Всё внутри резко сжимается. Лучше вообще не думать о том, что ситуация стала лучше. Через считанные минуты вселенная доказывает обратное.

— Йен... — тихо зовёт Итан.

Блокирую экран. Кладу телефоном вниз. Пальцы слегка дрожат.

— Нет.

— Может, всё-таки?

— Нет.

— Это может быть важно.

— Именно поэтому и не хочу. Понимаешь?

Он замолкает. Просто смотрит. Потом медленно кивает. Я оставляю деньги и встаю.

— Пошли.

— Ты даже не доел.

— Аппетит сдох.

Он смотрит на бургер, потом на меня, тяжело вздыхает и встаёт.

— Тяжёлый ты человек.

— Смирись.

На улице Итан догоняет молча. Идёт рядом, плечо к плечу.

— Я за руль.

— Нет.

— Ты сейчас... странный. Я вижу.

— Садись уже.

Он сжимает губы, смотрит долго и даже обиженно, потом всё-таки садится. Дверь на этот раз закрывается аккуратно. Обиделся.

Я завожу мотор.

— Домой?

— Да.

Телефон лежит экраном вниз. Я знаю — он снова зазвонит. И когда-нибудь мне придётся ответить. Но не сейчас.

Сейчас есть дорога, навязчивые мысли, и Итан, который молчит и не задаёт лишних вопросов.

Этого хватает.

Через десять минут останавливаемся у его квартиры. Итан не выходит сразу. Сидит, глядя прямо перед собой. Пальцы сжимают ремень безопасности.

— Йен.

— Что?

Он поворачивается.

— Пообещай, что хотя бы после сегодняшнего больше ни во что не вляпаешься.

— Не могу.

— Тогда хотя бы возьми трубку, когда зазвонит. Хотя бы раз.

— Звонить буду я.

— Итан...

— На этот раз возьми обязательно, слышишь?

— Иди домой.

— Почему мне нельзя остаться?

Я смотрю на него.

На секунду становится непривычно тепло. Почти неприятно.

— Иди.

Он открывает дверь медленно, хмуясь всё больше.

— Если через час будет тишина — звоню в полицию. Я серьёзно.

— Ок.

Выходит. Стоит несколько секунд, потом наклоняется к открытому окну.

— Береги себя, придурок.

— Вали уже.

Он улыбается. И уходит. Но несколько раз оборачивается.

Я остаюсь один.

Тишина в машине почти звенит. Провожу пальцем по экрану. Пропущенные звонки. Сердце бьётся ровно. Слыш-ком ровно.

Не перезваниваю.

Включаю передачу.

И жму на газ.